

*Н. А. Андриянова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д. филол. н., профессор Г. П. Козубовская*

**РОМАН А. С. ПУШКИНА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ Н. КУЗЬМИНА
(МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация

В статье, рассматривающей один из эпизодов истории иллюстрирования романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», предложен подход к изучению романа в школе, предполагающий раскрыть специфику иллюстрирования работающего в манере пушкинской графики художника Н. Кузьмина, – соавтора поэта и его исследователя в графическом истолковании подтекста романа.

Ключевые слова: диалог культур, иллюстрация, книжная графика, наглядность, роман «Евгений Онегин», Н. Кузьмин, А.С. Пушкин

Обращение к диалогу культур в школьной практике изменило представление о прочтении произведения, потребовало понимания специфики языка каждого искусства.

Использование иллюстраций на уроке литературы при изучении произведений классики – один из аспектов принципа наглядности, появившегося еще в «Великой дидактике» Я.А. Коменского.

В книге «Межпредметные связи при изучении литературы в школе» [7], подчеркивается, что использование различных видов наглядности служит углубленному изучению литературы, активизирует познавательную деятельность учащихся впервые серьезное внимание уделено художественной иллюстрации, её видам и формам работы с ней.

Основная функция иллюстраций – интерпретация текста. Ю.Н. Тынянов, отвечая на вопрос «иллюстрируют ли иллюстрации?», подчеркивал: «...специфическая конкретность поэзии прямо противоположна живописной конкретности: чем живее, осязатее поэтическое слово, тем менее оно переводимо в план живописи» [14; с. 311].

Роман «Евгений Онегин» активно иллюстрировали и в XIX, и в XX вв. На наш взгляд, заслуживает внимания классификация иллюстраций к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», предложенная И.В. Зотовой в ее кандидатской диссертации [4; с. 74-77], где ею отмечена роль художника как соавтора романа.

Традиционный подход к изучению романа в школе – рассмотрение персонажной сферы, зачастую в отрыве от авторского слова.

Н. Кузьмин – единственный художник в истории иллюстрирования романа, прочитавший роман Пушкина через авторское слово. В графике Кузьмина,

кажущейся экспромтной, ощущаются свойственные Пушкину-рисовальщику черты – выразительная и точная линия, продолжающая поэтическое слово [15]. Н. Кузьмин, как сказал о нём К. Чуковский, «самый литературный из всех наших графиков» [15]. Новаторское значение иллюстраций Кузьмина сказалось в том, что он дал подробный «графический комментарий» к лирическим отступлениям, показав Пушкина во множестве ликов.

Вопрос об образе автора в романе неоднократно рассматривался в пушкиноведении [2; 9; 11; 13]. Так, В. Набоков отмечает, что «один из основных героев поэмы – сам Пушкин», «как гостеприимный хозяин Пушкин проходит через всю книгу, предлагает читателю бокал шампанского и представляет ему всех своих героев» [8]. Строя текст, как непринужденную беседу с читателем, Пушкин постоянно напоминает, что сам он – сочинитель, а герой романа – плод его фантазии.

У Кузьмина автор романа изначально персонифицирован.

Рис. 1.

На одном из рисунков профильный Пушкин, устремленный по набережной («берега Невы»). Фраза «вреден Север для меня» [10; с. 10] – пушкинский намек на обстоятельства изгнания – получает следующую реализацию: с одной стороны, пространство как будто зажато, вертикаль опущена, серое небо, нависшее над городом, прижимает к земле идущего человека. Этот эффект усилен зеркальностью неба и воды, окрашенных в мрачные тона. В комментарии Ю.М. Лотмана всего несколько строк по этому поводу – он указывает, намекая на ссылку, добавил: «Писано в Бессарабии» [6; с. 123].

Рисунок художника отсылает к пушкинской лирической миниатюре «Город пышный, город бедный...». Вполне возможно, что это стихотворение попало в поле зрения художника, работающего над иллюстрациями.

В фигуре поэта обращают на себя внимание руки в перчатках, символизирующих зябкость и сырость климата, и поза поэта, который как будто сопротивляется ветру. Распахнутая шинель, одна пола которой слегка загнута от ветра. Так символически оформляется мотив противостояния судьбе. На общем фоне выделяются цилиндр темного цвета, осветленный воротник (очевидно, тот самый «бобровый воротник», по поводу которого так зло иронично «прошелся, когда-то Д. Писарев в статье «Пушкин и Белинский») и зеленого цвета шинель как знаки «чиновничьего». В партикулярном платье – своеобразном футляре – выделяется лицо, прорисованное в манере начала XIX века – штрихами, и узнаваемое по деталям – бакенбардам. Лицо это – живое, в нем серьезность,

сосредоточенность и даже поглощенность чем-то.

Рис. 2. «Я помню море пред грозою...» (1 глава строфа XXXIII).

Кузмин выбирает ностальгические моменты в романе, создающемся на глазах у читателя, превращая их в графические композиции.

Кузьмин создает пленительный женский образ, поэтически обаятельный. Ученые спорят – насколько автобиографична строфа, связывая ее с именем Марии Раевской-Волконской, впоследствии уехавшей за мужем в Сибирь.

Ломаная волнистая линия, повторяясь, рифмует женскую фигурку и морские волны. Скрытое под шляпкой лицо – в духе изображений начала XIX века [см.: 16]: в сокрытии – недоступность для памяти воспроизведения женских черт, с одной стороны, с другой – стремление не нарушить общей гармонии внесением конкретики. Есть динамика в женской позе, в развевающемся платье, во взмахе руки – неожиданном жесте, в котором угадывается страх промочить ножки. Изображение фигуры целиком – дань пушкинскому видению – далее следует лирический пассаж о ножках. А в женской позе (ноги расположены не на одной линии, одна ближе) угадывается игровая ситуация – приближение и бегство от набегающей волны. Женский образ окрашен теплым лиризмом, как и у Пушкина. В общем строе картинки ощущается пушкинское – «с любовью лечь к ее ногам».

Рис. 3 и 4. (Глава 1 строфа L). Художник зарифмовал две строфы романа, отстоящие друг от друга.

Мотив бегства – «Придет ли час моей свободы?» (L) – обыгран у Кузмина фигурой, стоящей на берегу (спиной к зрителю), и безграничным морским пространством, противостоящим «скучному берегу». Как неоднократно подчеркивал Ю.М. Лотман, «характерной чертой художественного мышления Пушкина являются «сквозные сюжеты» – замыслы, к которым он, варьирова и

изменяя их, упорно обращается в разные моменты его творчества» [6; с. 128]. См., например, Такие замыслы были и в его жизни. Один из них – побег. На юге, в Одессе – за границу; в Петербурге конца 1820-х и в 1830-е гг. – на Кавказ или в деревню.

В тучах угадываются очертания какой-то фигуры – возможный намек на «сумрачную Россию».

Эффект ожидания – в устремленности взгляда поэта, обращенного к кораблям и парусам, плывущим по морским волнам.

LV: Фигура поэта сдвинута влево, но ракурс изображения тот же – спиной к зрителю.

В повторе – смысл: обретенная свобода на лоне природы. В строфе – мотивы поэзии Батюшкова и самого Пушкина (послание «Городок» в духе Батюшкова и топоры дружеского послания). Изображения скреплены фигурой поэта – более светлой в 1-ом и темной во 2-ом. Смысл закрашивания – бестелесность 1-ой и обретенная телесность во 2-ом, хотя в том и другом случае – стихия воспоминания. Довольно напряженная поза поэта в 1-ом сменяется более раскрепощенной во 2-м.

Организация пространства в обоих случаях сходная – отодвинутая линия горизонта. Более чистое небо во 2-м. «Очернение», «земность» во 2-м – знаки приближения к земному и ощущение полноты бытия именно в земном пространстве. Парадокс ситуации: изгнание как освобождение.

Рис. 5. (Глава 6 строфа XLIII-XLVI).

Шестая глава – кульминация романа. Традиционная элегическая тема прощания с молодостью получает здесь реально-биографическое и жизненное, а не связанное с литературной традицией решение. Это достигается сопоставлением литературных штампов («Мечты, мечты! где ваша сладость?» – точная автоцитата первых строк лицейского стихотворения «Пробуждение»; «Весна моих промчалась дней») с разговором о реальном возрасте поэта («Ужель и впрямь и в самом деле / без элегических затей весна моих промчалась дней, / что я шутя твердил доселе...») [См.: 6; с. 144].

Набор романтических тем-штампов, развивающих элегическую тематику любви и смерти (море, заходящее солнце, женская фигура в позе страдания и т.д.). Женская фигура в центре напоминает изображения Е. Кс. Воронцовой, к памяти которой поэт обращается в стихотворении «Ненастный день потух...» (1824). Кузьмин включает мотивы этого стихотворения в иллюстрацию. На

первом плане лира как атрибут поэзии и напоминание о романтизме. Элегическую тему увядания символизирует заходящее солнце и женская фигура, оплакивающая уходящую жизнь (см. изображения Афродиты на античных саркофагах). Брошенная лира отсылает к мотивам поэзии В.А. Жуковского и А.С. Пушкина о безвременной смерти певца. В целом – это картинка, воссоздающая элегическую модель, с которой связан вздох поэта по поводу приближающегося тридцатилетия.

Итак, иллюстрации Н. Кузьмина, обращенные к авторскому слою романа «Евгений Онегин», погружают в разнообразные таящиеся в тексте подтексты, придав авторскому слову объемность и глубину.

Использованная литература

1. Айзенштат, О.Д. «Евгений Онегин» в оформлении Н.В. Кузьмина / О.Д. Айзенштат // Книга: исследования и материалы. – М., 1983. – Сб. 47. – С. 198-201.
2. Билинкис, Я.С. Автор в «Евгении Онегине» / Я. С. Билинкис // Билинкис Я.С. Русская классика и изучение литературы в школе. – М., 1986. – С.69-78.
3. Другова, Н. Автор и его герой. А. С. Пушкин «Евгений Онегин» / Н. Другова // Литература в школе. – 2001. – №2. – С.29-31.
4. Зотова, И.В. Проблема творческой интерпретации романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в русской книжной иллюстрации: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / И.В. Зотова. – М., 2008. – 24 с.
5. Кузьмин, Н. Художник и книга. Заметки об искусстве иллюстрирования / Н. Кузьмин. – М.: Детская литература, 1985. – 188 с.
6. Лотман, Ю.М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
7. Межпредметные связи при изучении литературы в школе / [Е. Н. Колокольцев, А. В. Дановский, М. А. Дмитриева и др.]; Под ред. Е. Н. Колокольцева. – М. : Просвещение, 1990. – 221 с. – (Б-ка учителя рус. яз. и лит.).
8. Набоков, В.И. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. Набоков; Пер. с англ. [Е. М. Видре]. – СПб.: Искусство-СПБ: Набоковский фонд, [1998]. – 924 с.
9. Никишов, Ю.М. Пушкин как герой стихотворного романа / Ю.М. Никишов // Вопросы биографии и творчества Пушкина. – Калинин, 1979. – С. 24-46.
10. Пушкин, А.С. Полное собрание соч.: в 10 т. Т. 5 / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 638 с.
11. Семенко, И.М. О роли образа «автора» в «Евгении Онегине» / И.М. Семенко // Тр. Ленингр. библиотечного ин-та. – Л., 1957. Т. II. – С. 127-146.
12. Сидоров, А.А. «Евгений Онегин» в иллюстрациях Н.В. Кузьмина / А.А. Сидоров // Пушкин А.С. «Евгений Онегин». – М., 1974. – С.315-322.
13. Тамарченко, Н. Д. Русский классический роман XIX в: проблемы поэтики и типологии жанра / Н.Д. Тамарченко. – М. : Изд-во РГГУ, 1977. – 203 с.
14. Тынянов, Ю.Н. Иллюстрации / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 310-318.

15. Шелудченко, А.Г. Известный и неизвестный Николай Кузьмин / А.Г. Шелудченко. URL: <https://www.openklub.ru/events/260/>
16. Якоб, Л. Г. Начертание эстетики, или науки вкуса / Л. Г. Якоб // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.: В 2 т. – Т. 2. – Москва: Искусство, 1974. – 647 с.

В. С. Арефьева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д. филол. н., профессор Г. П. Козубовская

ПОЭТИКА ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ А. Н. МАЙКОВА

Аннотация

В статье исследуются особенности поэтики пейзажной лирики А.Н. Майкова. Рассмотрены принципы живописания А.Н. Майкова («панорамность», «взгляд из окна», «движущаяся точка зрения»), «освоение» пространства и специфика организации лирического сюжета. Выявлены функции игры с пространством в лирических стихотворениях поэта.

Ключевые слова: А.Н. Майков, пейзаж, поэтика пейзажа, принципы живописания, пространство, экранный поэтика.

В изучении творчества А.Н. Майкова – поэта второго плана - всё ещё остаются «белые пятна». Исследования по лирике А.Н. Майкова существуют, но пейзажная лирика не выделяется в отдельную область изучения.

Цель работы: исследовать пейзажную поэзию А.Н. Майкова.

Объектом исследования является поэзия А.Н. Майкова.

Предмет работы: поэтика пейзажной лирики А.Н. Майкова.

В работе применены историко-культурный, историко-генетический, системно-типологический подходы, элементы биографического метода.

Научная новизна работы состоит в том, что предпринята попытка системного исследования пейзажной поэзии А.Н. Майкова.

В творческом наследии А.Н. Майкова важное место занимает живопись во всех её проявлениях. Мастерство живописи будущий поэт постигал с детства под руководством отца, академика живописи Н.А. Майкова, который целенаправленно готовил сына к карьере живописца, и весьма успешно, поскольку одна из картин юного художника была приобретена Николаем I для венчания Марии Николаевны с герцогом Лихтенбергским [6]. Но живопись пришлось оставить из-за болезни глаз.

Интерес к живописи сохранился и получил реализацию в художественной критике А.Н. Майкова. Дебютной работой в этом направлении является статья «Выставка картин г. Айвазовского в 1847 г.», которая была напечатана в